

Артоболевский И. А. К вопросу о разработке священно-исторического материала для жизнеописания св. апостола Павла: [Речь перед защитой магист. дисс. (Первое путешествие св. апостола Павла с проповедью Евангелия. Троице-Сергиева Лавра, 1900)] // Богословский вестник 1899. Т. 3. № 12. С. 547–557 (3-я пагин.).

Къ вопросу о разработкѣ священно-историческаго матеріала для жизнеописанія Св. Апостола Павла ¹⁾.

Не я первый вхожу на эту кафедру, чтобы предложить Вашему просвѣщенному вниманію трудъ, касающійся жизни и дѣятельности великаго Апостола языковъ. Трудъ этотъ по своему характеру представляетъ изъ себя только продолженіе или, точнѣе, завершеніе появившихся раньше изслѣдованій о проповѣднической дѣятельности Апостола во время второго и третьяго путешествій ²⁾. Это обстоятельство, надѣюсь, освобождаетъ меня отъ необходимости говорить здѣсь, какъ это почти принято, о значеніи предлагаемаго труда, его пользѣ и т. п. Говорить объ этомъ значило бы повторять уже не разъ сказанное. Значеніе подобнаго рода трудовъ доказывалось, польза выяснялась. Впрочемъ и то, и другое достаточно очевидно, разъ дѣло касается личности великаго Апостола и истолкованія священнаго повѣствованія о его дѣятельности. Намъ кажется что наше положеніе среди предшественниковъ, или, вѣрнѣе, положеніе нашего изслѣдованія среди однородныхъ, появившихся ранѣе, какъ завершенія или, говоря описательно, послѣдняго камня въ

¹⁾ Речь предъ защитой магистерской диссертации „Первое путешествіе Св. Апостола Павла съ проповѣдью Евангелія“ (Троице-Сергіева Лавра. 1900), произнесенная въ торжественномъ собраніи Академіи 5 октября 1899 года.

²⁾ Разумѣются труды (тоже магистерскія диссертации) предшественниковъ автора по изученію миссіонерской дѣятельности Св Апостола Павла, именно: Архим *Григорія* „Третье великое благовѣстическое путешествіе Св. Апостола Павла“ и свящ *Глаголева* „Второе путешествіе Св Апостола Павла.

зданіи жизни Апостола, какъ благовѣстника языковъ, указываетъ намъ другой предметъ для рѣчи, невольно призываетъ насъ оглянуться назадъ, дать отчетъ въ сдѣланномъ, какъ бы провѣрить себя. Если это будетъ поздно для насъ, то, смѣемъ надѣяться, не бесполезно для другихъ, ибо мы никакъ не считаемъ свой трудъ окончательнымъ.

Правильно ли создавалось зданіе жизни Апостола; вызывается ли дѣйствительною необходимостію научная разработка священно-историческаго матеріала о его проповѣднической дѣятельности; соотвѣтствуютъ ли сущности дѣла тѣ приемы, которые прилагались къ разработкѣ этого священно-историческаго матеріала, достаточно ли оправдываются тѣ разнообразныя элементы, которые введены нами въ содержаніе сочиненія для уясненія различныхъ сторонъ благовѣстнической дѣятельности Апостола,—вотъ вопросы, выясненію которыхъ мы желали бы посвятить теперь нѣсколько минутъ. Тѣхъ, кто сочтетъ эти вопросы созданными искусственно и приметъ ихъ за результатъ излишней мнительности, на почвѣ научной неопытности, можемъ увѣрить, что они создаются не столько нами, сколько или, вѣрнѣе, почти всецѣло тѣмъ отношеніемъ, которое проявлено со стороны людей богословскаго круга къ раннѣйшимъ моего, но совершенно однороднымъ изслѣдованіямъ.

Прошелъ достаточный промежутокъ времени съ появленія въ печати этихъ изслѣдованій,—достаточный для того, чтобы всмотрѣться, прислушаться и опредѣлить отношеніе къ нимъ читателей богословскаго круга, — и нельзя сказать, чтобы это отношеніе было особенно лестнымъ и ободрительнымъ. Приходилось читать, а больше того слышать, такіе отзывы о подобнаго рода трудахъ, въ которыхъ обнаруживается довольно критическое отношеніе къ этимъ послѣднимъ, переходящее иногда въ совершенное отрицаніе всякой значимости ихъ и даже законности ихъ появленія. Это критическое отношеніе простирается какъ на экзегетическую сторону такого рода изслѣдованій, такъ—и особенно—на тѣсно связанную съ экзегетической—историко-археологическую и географическую.

Выставлялось на видъ, что разсказъ Дѣяній о благовѣстнической дѣятельности Ап. Павла настолько простъ и понятенъ, что, повидимому, здѣсь не остается и мѣста для

какой-либо экзегетики, что чрезъ примѣненіе различныхъ экзегетическихъ приѣмовъ теряется непосредственность впечатлѣнія отъ повѣствованія священнаго историка, что чрезъ всѣ эти экзегетическія тонкости совершенно затушевывается личность великаго Апостола и проч. и проч. Намъ кажется, что всѣ разсужденія такого рода имѣютъ своимъ источникомъ нѣкоторое смѣшеніе точекъ зрѣнія. Чисто научное отношеніе къ предмету въ данномъ случаѣ незамѣтно переходитъ въ требованія назиданія и нравственной пользы. Съ точки зрѣнія этихъ требованій, разумѣется, многое въ экзегетическихъ изысканіяхъ является совершенно излишнимъ и даже вреднымъ. Но нужно ли говорить о томъ, какъ мало можетъ имѣть мѣста эта точка зрѣнія въ сужденіяхъ о сочиненіяхъ болѣе или менѣе научныхъ, или, по крайней мѣрѣ, написанныхъ для полученія научной степени. Понятно также, что такая точка зрѣнія, послѣдовательно проводимая, способна отнять всякое значеніе, разрушить научную цѣнность весьма многихъ трудовъ.

Впрочемъ, мы далеки отъ того, чтобы совершенно отрицать всякое увлеченіе въ области приложенія экзегетики къ священному тексту. Мы лично противъ такихъ экзегетическихъ приѣмовъ, когда истолкователь борется съ имъ же самимъ выдуманнми препятствіями и затрудненіями, когда онъ какъ нарочно вездѣ видитъ Гордіевы узлы, призываетъ всѣ научныя данныя, чтобы доказать то, что само по себѣ понятно, и раскрыть то, что и такъ до ясности очевидно. Увлеченія вездѣ возможны, но они не даютъ еще достаточныхъ основаній для отрицанія разумной, вызываемой дѣйствительною необходимостію и существомъ дѣла, стремящейся къ удовлетворенію дѣйствительныхъ запросовъ научно-богословской мысли, экзегетики. И нельзя сказать, чтобы для такой экзегетики не оставалось мѣста въ священномъ повѣствованіи Дѣписателя о миссіонерской дѣятельности Ап. Павла. Не говоря уже о чисто текстуальной сторонѣ дѣла, установленіи сравнительно правильнаго чтенія текста Дѣяній, а также уясненія подлиннаго смысла каждаго мѣста, все ли въ самомъ содержаніи разсказа Дѣписателя такъ ясно и просто, чтобы оно не вызывало необходимости, истолкованія; даетъ ли это содержаніе отвѣты на всѣ тѣ вопросы, которые законно и естественно должны предъяв-

латься со стороны научно-богословской любознательности. Разсказъ Дѣписателя кратокъ и сжатъ. Онъ однимъ, напр., только словомъ „мужъ разумный“ характеризуетъ проконсула Кипра Сергія Павла; между тѣмъ непосредственное впечатлѣніе отъ разсказа самого же Дѣписателя внушаетъ мысль, что этотъ язычникъ, его обращеніе занимаетъ важное положеніе въ осуществленіи Апостоломъ своего призванія, почему, можетъ быть, оно только и отмѣчено въ исторіи пребыванія Апостола въ Пафѣ. Понятно ли будетъ это обращеніе, хотя и совершенное при посредствѣ чуда, если экзегетика не вскрыетъ ту глубину религіозно-нравственнаго настроенія, то неодолимое влеченіе души къ своему Первообразу, которое скрывается за этой краткой характеристикой? Чудо ослѣвленія волхва не привело бы проконсула къ вѣрѣ, если бы онъ не хотѣлъ вѣровать. Вспомнимъ, что и чудеса Спасителя не всегда и не всѣхъ приводили къ вѣрѣ (Мр. 3, 22, 30; Лук. 11, 15). Далѣе. Не вызываетъ ли вполнѣ законныхъ вопросовъ печальное обстоятельство отдѣленія Іоанна-Марка въ Пергін, о которомъ Дѣписатель дѣлаетъ только самое краткое упоминаніе, или перемѣна имени Апостола со времени событія въ Пафѣ? Не вызываетъ ли подобныхъ же вопросовъ постоянное обращеніе Ап. Павла, апостола языковъ, съ своею проповѣдью къ іудеямъ, вопреки, повидимому своему провиденціальному назначенію? Нѣтъ нужды слѣдить дальше за разсказомъ Дѣписателя; отмѣченнаго довольно, чтобы поколебать мысль, что въ разсказѣ Дѣписателя не остается мѣста для научной экзегетики,—тѣмъ болѣе, что критическое отношеніе въ такого рода изслѣдованіяхъ вызываетъ не столько экзегетика сама по себѣ, сколько связанная съ послѣднею уклоненія въ сторону обще-историческихъ, археологическихъ и географическихъ предметовъ и разсужденій, которыя занимаетъ почтенное мѣсто и въ предлагаемомъ Вашему вниманію трудѣ. Обычно смотря на такого рода мѣста какъ на излишнюю роскошь или даже ненужной балластъ; появленіе ихъ объясняютъ обиліемъ историческаго матеріала, легкостью его собиранія, излишнимъ увлеченіемъ западными популяризаторами, въ родѣ Фаррара и комп. Выдуманъ даже особый терминъ „фарраровщина“, которымъ обзываютъ все подобнаго рода мѣста. Нареканія тяжелыя, способныя обезцѣнить

добрую половину нашего и подобныхъ ему изслѣдованій. Правда, историческія свѣдѣнія и указанія обильны, только не въ томъ отношеніи, въ какомъ это необходимо въ данномъ случаѣ. У древнихъ историковъ можно найти обильныя, даже слишкомъ обильныя, свѣдѣнія о враждебныхъ столкновеніяхъ народовъ, указанія на внѣшній политическій строй государствъ, описаніе занятій ихъ жителей и т. п., но они мало знаютъ человѣка, мало интересуются тѣмъ, во что вѣрилъ древній человѣкъ, чѣмъ жилъ, что любилъ, къ чему стремился. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ краткими указаніями, отрывочными свѣдѣніями, косвенными намеками. Въ изображеніи духовной жизни древняго человѣка, въ частности ея религіозно-нравственной стороны, приходится по однимъ неявнымъ штрихамъ догадываться о характерѣ стиля. Здѣсь представляется трудная работа мозаики, чтобы изъ отдѣльныхъ камней образовать цѣльный и гармоничный рисунокъ. И мы только должны просить извиненія, что, при скудости историческихъ и археологическихъ указаній и нашей нескусности, эти рисунки вышли у насъ не достаточно полными и рельефными. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ дѣло не въ томъ, сколько затрудненій представляетъ эта работа и какъ она исполнена; для насъ важнѣе уяснить, насколько она необходима. Достаточно ли оправдываются и вызываются ли существомъ дѣла тѣ многочисленныя историческія и археологическія справки, которыя касаются духовной жизни, въ частности религіозныхъ вѣрованій, посѣщенныхъ Апостоломъ мѣстностей, и которыя мы предпосылаемъ изъясненію священнаго разсказа о проповѣди въ этихъ мѣстахъ?

Намъ кажется, что потребность такого рода экскурсій въ область религіозно-нравственной жизни языческихъ народовъ съ необходимостію вытекаетъ изъ твердаго усвоенія той истины, что спасеніе человѣка во Христѣ Иисусѣ совершается при свободномъ участіи собственныхъ силъ человѣка, а мы смотримъ на свой трудъ только какъ на страничку въ раскрытіи тайны Домостроительства нашего спасенія,—именно—той его стороны, которая касается усвоенія этого спасенія со стороны людей, и того момента, когда, по планамъ Божиимъ, наступило время, по словамъ Апостола, „и язычникамъ быть сонаслѣдниками, составляющими одно

тѣло, и сопричастниками обѣтованія Его во Христѣ Иисусѣ посредствомъ благовѣствовація“ (Ефес. 3, 6).

Нигдѣ въ такой мѣрѣ и полнотѣ не обнаружилась премудрость Творца, какъ въ тайнѣ искупленія человѣка. Эта премудрость нашла такое средство, которымъ принесено совершеннѣйшее удовлетвореніе правдѣ Божіей, истреблена человѣческая грѣховность и совершенно возсозданіе человѣка безъ нарушенія его свободы. Возрожденіе человѣка, какъ и вообще облагодатствованіе его, совершается не только безъ разрушенія возрождаемаго и облагодатствуемаго, какъ выражается св. Григорій Богословъ ¹⁾, но и безъ всякаго стѣсненія человѣческой свободы. Отсюда цѣлый рядъ вѣковъ, въ которые Господь Богъ „попустилъ всеѣмъ народамъ ходить своими путями“ (Дѣян. 14, 16), чтобы человѣкъ, предоставленный самому себѣ въ удовлетвореніи своихъ религ.—нравственныхъ потребностей, познавъ, какъ дѣйствительна сила грѣха, разъединившая его съ Богомъ и какъ недоступно его собственнымъ силамъ примиреніе съ Богомъ и возвращеніе въ блаженное общеніе съ Нимъ, сознательно и свободно устремился къ святости и Богообщенію. И только тогда, когда язычество, въ лицѣ многихъ изъ своихъ представителей, приходитъ къ мысли о непостижимости Божества и недостижимости послѣдней цѣли человѣка его естественными силами, къ сознанію немощи человѣч. ума въ дѣлѣ богосозерцанія и воли человѣческой въ уподобленіи Божеству, или въ дѣлѣ добродѣтели, а отсюда—къ ясному сознанію въ необходимости Божественной помощи и для ума, и для воли—въ Иерусалимѣ возсіяваетъ Свѣтъ языковъ, и Апостолы получаютъ заповѣдь: „шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“ (Мк. 28, 19). Богъ открылъ благодать свою не прежде, какъ объявились во всей силѣ и полнотѣ слабость и безсиліе человѣка, когда послѣдній самъ возжелалъ Его помощи, исполнился чаяніемъ, ожиданіемъ этой помощи. Такимъ образомъ, спасеніе явилось какъ отвѣтъ на запросы, какъ удовлетвореніе потребностей обезсиленнаго въ исканіи Бога и борьбѣ съ грѣхомъ, погрязшаго въ заблужденіи, но не потерявшаго образъ Божій, человѣка.

¹⁾ Сл 40. Твор. свв. от Ш.

Но если такъ, то законно ли будетъ въ изслѣдованіи, касающемся исторіи усвоенія спасительной истины со стороны людей, опустить изъ виду, вычеркнуть эти запросы, эти потребности,—все тѣ, къ чему пришло и во что выродилось религіозно-нравственное чувство язычества во время продолжительнаго „хожденія своими путями“? Если благодать, хотя и совершаетъ все („*Богъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти*“ говоритъ Апостоль, Фил. 2, 13) въ дѣлѣ спасенія, но непремѣнно внутри сознанія и свободы человѣка, то будетъ ли правъ изслѣдователь внѣшней исторіи спасенія, предъ требованіями исторіи, опуская изъ вниманія здѣсь такой факторъ, какъ воля и сознаніе человѣка? Не нанесетъ ли существеннаго вреда для дѣла? Не будетъ ли утерянъ чрезъ это настоящій ключъ къ пониманію и доступному для человѣка уясненію отдѣльныхъ моментовъ въ исторіи внѣшняго и внутренняго роста церкви Христовой, многоразличныхъ формъ, въ которыхъ выражалось воспріятіе спасенія, всѣхъ тѣхъ измѣненій, которыя можно наблюдать въ образѣ пониманія, усвоенія и осуществленія вѣчнаго и неизмѣннаго слова истины со стороны людей? Достаточно ли яснымъ будетъ для насъ безъ этого и характеръ благовѣстнической дѣятельности служителя слова Божія—Апостола языковъ,—тѣ внѣшніе приемы, которымъ слѣдовала его проповѣдническая ревность, а наиболѣе—внутреннія особенности его проповѣди и то благодатное дѣйствіе, которое производила она на сердца его слушателей? Повидимому, и самъ Апостоль намѣчаетъ намъ именно такой путь къ уясненію его дѣятельности, когда свидѣтельствуемъ, что онъ въ своей пастырской дѣятельности „ища пользы многихъ, чтобы они спаслись“ (1 Кор. 10, 33), иногда—„чтобы спасти нѣкоторыхъ“ (1 Кор. 9, 22) „для Іудеевъ былъ какъ Іудей, для чуждыхъ закона какъ чуждый закона, для немощныхъ какъ немощный...“ (1 Кор. 9, 20—22) „Сіе же дѣлаю для Евангелія“—прибавляетъ Апостоль. Въ отношеніи къ проповѣди Евангелія это означаетъ, что Апостоль въ этой проповѣди не пренебрегалъ тѣми внутренними идеалами, запросами и потребностями, которые присущи были его слушателямъ. Апостоль проповѣдывалъ, имѣя въ виду всегда наличныя потребности и дѣйствительное духовное содержаніе, къ удовлетворенію которыхъ стремились и ко-

торымъ обладали его слушатели. Своимъ богопросвѣщеннымъ взоромъ онъ проникалъ въ ихъ внутренній міръ, извлекалъ изъ этого внутренняго міра лучшія стремленія и мысли и возводилъ ихъ къ евангельскимъ откровеніямъ и заповѣдямъ. Въ своей проповѣди онъ всегда стоялъ на почвѣ присущихъ людямъ идеаловъ. Отсюда его ученіе являлось для слушателей „не какъ чуждое благо, по выраженію Златоуста, но какъ ихъ собственное“ ¹⁾. Онъ возстановлялъ только тотъ свѣтъ истины, который никогда не оставлялъ человѣка (Іоан. 1, 5), хотя и тускло, но всегда свѣтилъ въ его внутреннемъ сознаніи. Итакъ, пренебрежемъ ли мы этими идеалами, запросами и потребностями язычества, если самъ Апостоль не пренебрегалъ ихъ, если онъ, находясь въ Афинахъ, „проходилъ и осматривалъ ихъ святищъ“, по разсказу Дѣяписателя, и за это нашель жертвенникъ съ надписью: „невѣдомому Богу“ (Дѣян. 17, 23); если онъ и въ заблужденіи Листрянъ видитъ стремленіе къ „Живому Богу“, къ которому и обаращаетъ затѣмъ ихъ сознаніе (Дѣян. 14, 15)?!

Но религіозное чувство, заложенное Творцомъ въ природу человѣка, ища своего исхода, выродилось у различныхъ народностей въ многообразныя формы. Чтобы уяснить себѣ религіозныя вѣрованія древности, является необходимымъ иногда отмѣтить тѣ внѣшнія и внутреннія условія, при которыхъ они образовались. Къ нимъ принадлежать какъ національныя особенности извѣстныхъ народностей, такъ и чисто внѣшнія причины—отъ разнообразныхъ культурныхъ вліяній до географическаго положенія включительно. Здѣсь получаютъ свое основаніе тѣ указанія нашего изслѣдованія, которыя касаются исторіи извѣстной народности въ ея главныхъ моментахъ, взаимныхъ отношеній, мѣста ихъ поселеній и проч., которыя мы нерѣдко предисылаемъ раскрытію религ. - нравственныхъ особенностей въ жизни посѣщенныхъ Апостоломъ мѣстностей. По возможности мы старались отмѣтить здѣсь только такіе моменты и факты, которые оказали то или иное вліяніе на складъ духовной жизни извѣстной народности.

Надлежитъ особая нужда сдѣлать нѣсколько замѣчаній по

¹⁾ Злат. Бесѣды на Дѣян. Бес. 27.

поводу географическаго элемента нашего и однородныхъ съ нимъ изслѣдованій. Элементъ самый ненавистный для читателей. Одни относятся къ нему совершенно отрицательно, другіе смотрятъ на него какъ на нѣкотораго рода терпимое зло, третьи утверждаютъ въ какомъ то проницески—снисходительномъ отношеніи къ нему,—вообще же—и тѣ, и другіе, и третьи спѣшатъ скорѣе пробѣжать страницы, наполненныя имъ, если онѣ по ошибкѣ оказались разрѣзанными. Признаемся, мы и сами не чужды были раньше такого отношенія къ нему, но теперь, послѣ изслѣдованія вопроса на мѣстѣ, какъ говорятъ, мы совершенно измѣнили свое отношеніе къ нему и готовы признавать его совершенную полноправность наравнѣ съ другими элементами изслѣдованія. Мы не будемъ доказывать это относительно тѣхъ географическихъ указаній и справокъ, которыя вытекаютъ, такъ сказать, изъ существа дѣла, обуславливаются самымъ характеромъ сочиненія и требованіями экзегетики. Даже въ учебникахъ по Свящ. Писанію точное представленіе, знаніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили извѣстныя событія, наравнѣ съ хронологіей, считается необходимымъ для яснаго и отчетливаго усвоенія священно-историческихъ событій,—и конечно, не трудно догадаться, что вышеуказанное отношеніе простирается на такого рода географію. Оно создается тѣми географическими указаніями, которыя касаются опредѣленія пути Апостола, тѣхъ городовъ и мѣстностей, которые лежали на пути между упоминаемыми въ текстѣ Дѣяній городами. Правда, всѣ эти опредѣленія по большей части гипотетическаго характера за краткостью разсказа Дѣписателя и за отсутствіемъ какихъ-л. археологическихъ данныхъ. Мы и выдаемъ ихъ за таковыя. Но вѣдь никто не станетъ отрицать извѣстнаго значенія и за гипотезами. Еще великій нѣмецкій поэтъ и мыслитель (Гёте) сказалъ, что мы и вообще восходимъ въ царство истины по лѣстницѣ гипотезъ. Уповаемъ, что хотя нѣкоторыя изъ нашихъ гипотетическихъ соображеній получаютъ вполнѣдствіи свое оправданіе. Теперь же мы хотѣли бы указать, какія данныя лежатъ въ основѣ этихъ соображеній о пути Апостола.

Во всей исторіи апостольскаго вѣка, какъ и вообще въ исторіи Домостроительства нашего спасенія, мы видимъ премоудрое взаимодействіе божескаго и человѣческаго началъ,

при которомъ человѣкъ, служа орудіемъ для выполненія высокихъ плановъ божественнаго Домостроительства, въ тоже время остается совершенно свободнымъ въ избраніи тѣхъ средствъ и способовъ, которые служатъ къ осуществленію этихъ плановъ. Тоже можно наблюдать и въ исторіи проповѣди Апостола. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда самъ Духъ Св. указывалъ мѣсто дѣятельности (Дѣян. 16, 6—7), Апостоль оставался свободнымъ при избраніи такихъ мѣстъ и руководствовался соображеніями и чисто человѣческаго характера. Это подтверждаютъ нѣкоторыя мѣста его собственныхъ посланій (см. напр., Рим. 1, 13. 15; 1 Сол. 2, 17—18) Общій обзоръ всѣхъ путешествій Апостола показываетъ, что Апостоль избиралъ мѣстами своей проповѣди по преимуществу такія, гдѣ жили іудеи и находились ихъ синагоги. Свою проповѣдь онъ начиналъ въ такихъ мѣстахъ съ этихъ синагогъ. Это обуславливалось какъ принципиальнымъ взглядомъ Апостола на промыслительное назначеніе народа іудейскаго, такъ и желаніемъ сдѣлать болѣе успѣшную свою проповѣдь среди язычниковъ. Последнее будетъ понятно, если мы вспомнимъ все религіозно-просвѣтительное значеніе іудейскихъ синагогъ въ языческомъ мірѣ. Такимъ образомъ при опредѣленіи пути Апостола между указанными въ разсказѣ Дѣписателя пунктами всегда является возможность отдать предпочтеніе тому, на которомъ находились іудейскія поселенія, а слѣдовательно—и синагоги. Іудейскія же поселенія сосредоточивались по преимуществу въ такихъ городахъ древняго міра, которые обладали или природными богатствами, или выгодами торговаго пути или правами римскихъ колоній. Здѣсь получаютъ свое оправданіе наши указанія (которыя мы старались сдѣлать, по возможности, краткими) относительно географ. и топографическаго положенія извѣстныхъ городовъ, его богатствъ, политическаго положенія и. т. п.

Св. Златоустъ говоритъ о посланникахъ благодати—св. Апостолахъ: „многое они дѣлали и по человѣческому разсужденію; ибо не были камнями и древами ¹⁾“. Отсюда не имѣемъ ли и мы права предположить, что Апостоль относился не совсѣмъ безразлично къ извѣстнымъ внѣшнимъ удобствамъ

¹⁾ Злат. Бесѣды на Дѣян ч. 2, стр. 95.

избираемаго пути. Мы думаемъ, что Апостолы въ большинствѣ случаевъ слѣдовали древне-римскимъ путямъ, проложеннымъ правительствомъ по всѣмъ провинціямъ римскаго государства; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что здѣсь личныя удобства Апостоловъ вполне совпадали съ успѣшностью того дѣла, которому они служили: избавляя ихъ отъ излишнихъ и не необходимыхъ опасностей, слѣдованіе по древне-римскимъ путямъ могло предоставлять имъ много поводовъ и лишнихъ случаевъ для проповѣди Евангелія. Не забудемъ и того, что города съ значительнымъ іудейскимъ населеніемъ были расположены по большей части по этимъ путямъ. Здѣсь получаютъ свое основаніе и оправданіе наши изысканія относительно древне-римскихъ искусственныхъ путей, соединявшихъ собою города и провинціи римскаго государства.

Мы чувствуемъ, что наше слово переходитъ въ какое-то самооправданіе. Спѣшимъ предупредить нашихъ судей, что мы вовсе не имѣли въ виду сообщить ему такой характеръ и не принадлежимъ къ притязательнымъ подсудимымъ. Мы совершенно далеки отъ мысли считать свое изслѣдованіе окончательнымъ и почитали бы себя вполне удовлетворенными, если бы оно, по собраннымъ въ немъ матеріаламъ и по нѣкоторому освѣщенію ихъ, хотя бы нѣсколько облегчило трудъ будущихъ жизнеописателей Ап. Павла. А теперь мы совершенно довольны бы были приговоромъ, который сказалъ бы намъ: „да, виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія“, или: „виновенъ, но при смягчающихъ обстоятельствахъ“.

Иванъ Артоболевскій.
